

Хотя Цзян Шуйшэн и занимал высокий пост главнокомандующего Лянцзяна, нравом он отличался простым, если не сказать топорным. Стоило какому-то делу лечь ему на душу, как язык у генерала заплетался — нужных слов он подобрать не умел. Теперь же, под этим тяжелым взглядом Хан Сиэня — пристальным, с затаившейся на губах издевательской усмешкой, — воевода и вовсе растерял остатки мужества. Кожу неприятно закололо, словно от мелких игл, а по спине побежали ледяные мурашки. В эту минуту Цзян Шуйшэн готов был провалиться сквозь землю прямо здесь, у городских ворот Лючжоу, лишь бы не терпеть это молчаливое издевательство.

И если главнокомандующий Цзян в решающий момент окончательно оробел, то генерал-губернатор Лянцзяна Чжоу Маань пасовать не собирался.

В обычное время они сослуживцем строго разделяли свои сферы влияния и старались не соваться на чужую территорию, дабы не давать императорскому двору лишнего повода для подозрений.

Если бы не вызывающая дерзость Хан Сиэня, который вел себя на протяжении всего пути невероятно заносчиво, Чжоу Маань ни за что не стал бы впутывать в это дело Цзян Шуйшэна и привлекать военных.

Но кто мог подумать, что этот безумец, славящийся своей привычкой без разбору разорять усадьбы и устраивать обыски, на этот раз сдержит себя? Вся их тщательно выстроенная стратегия пошла прахом, пришлось спешно менять планы на ходу.

Появление регулярных войск у стен Лючжоу скрыть было невозможно. К тому же среди столичных гостей находился третий принц Цзи Ло, а значит, утаить передислокацию от ушей государя не удалось бы при всем желании. Пока Хан Сиэнь держал путь к городу, Чжоу Маань перебрал в уме сотни вариантов и в конце концов решил: пусть Цзян Шуйшэн встретит их открыто. Лучше предстать перед ними лицом к лицу, чем потом оправдываться перед разгневанным повелителем за тайные маневры.

Прежде чем вовлечь главнокомандующего в свою интригу, губернатор навел о нем самые подробные справки. Цзян Шуйшэн слыл командиром храбрым и неглупым, в гражданские распри Цзяннана никогда не лез, крупных взяток не брал, ограничиваясь лишь мелкими подношениями. Словом, человек умный и осторожный. Чжоу Маань рассчитывал воспользоваться моментом, собрать на него надежный компромат и тем самым намертво привязать к себе.

Однако язвительный вопрос Хан Сиэня спутал все карты. Ситуация становилась опасной, и сейчас губернатору в первую очередь требовалось выгородить сообщника.

Видя, что Цзян Шуйшэн лишился дара речи, Чжоу Маань шагнул вперед и заговорил — вежливо, но с достоинством:

— Прошу прощения, наследник, но главнокомандующий Цзян прибыл сюда не по своей воле и

уж точно не из-за халатности. Он здесь по моей личной просьбе. Вы совершенно правы: Резиденция главнокомандующего Лянцзяна не имеет права вмешиваться в гражданские дела, равно как и покидать места дислокации без приказа сверху. Однако законы Великой Чжоу предусматривают исключения в случае крайней необходимости, когда речь идет о жизни и смерти подданных. Нынешнее наводнение принесло немало бед, повсюду бесчинствуют разбойники, к тому же свирепствует моровая язва. Если не выставить надежные заслоны, разносчики заразы хлынут во все концы страны, сея панику и ставя под угрозу жизни тысяч людей. У меня в подчинении катастрофически не хватает людей, поэтому, не видя иного выхода, я обратился к главнокомандующему Цзяну с просьбой прислать войска для поддержания порядка в Лючжоу. Если вы, наследник, все же усматриваете здесь нарушение, я готов понести любое наказание — воевода выполнял мой приказ. Впрочем, вне зависимости от вашего решения, я в самом ближайшем времени отправлю доклад Его Императорскому Величеству, где подробно изложу все обстоятельства дела.

Эти слова Чжоу Мааня были подобны игле, завернутой в вату: мягко, почти незаметно, но больно жалили при малейшей попытке возразить. А его последнее замечание и вовсе граничило с откровенной угрозой.

Хан Сизнь выслушал его с абсолютным равнодушием. Он лишь зевнул и лениво протянул:

— Вот оно что... Похоже, ваш покорный слуга еще недостаточно глубоко изучил законы нашей империи, раз заподозрил генерала в самоуправстве. А я-то, грешным делом, подумал, будто главнокомандующий Цзян решил, что до неба высоко, до императора далеко, и на повеления Его Величества можно попросту наплевать.

При этих словах лицо Цзян Шуйшэна потемнело. Будучи боевым генералом, он привык сам раздавать приказы, и уж точно никто прежде не смел столь нагло насмехаться над ним в лицо. Он уже открыл было рот, чтобы проучить наглого юнца, но Чжоу Маань вовремя остановил его предостерегающим взглядом.

Хан Сизню надоело смотреть на это представление. Задержав занавеску паланкина, он небрежно бросил напоследок:

— Ну раз это лишь досадное недоразумение, велите своим людям расступиться и пропустить нас в город. Мы, вообще-то, везем государственную казну, выделенную лично государем. А когда навстречу выстраивается целое войско, волей-неволей почудятся разбойники с большой дороги, вышедшие на грабеж. Признаться, я даже немного испугался.

От такой неслыханной дерзости лицо Цзян Шуйшэна багровело на глазах. Помня о предупреждении губернатора, он с трудом подавил ярость и процедил сквозь зубы:

— Наследник Хан глубоко заблуждается. Моя единственная обязанность — охрана порядка в провинции, и я вовсе не собирался устраивать вам...

Генерал так и не закончил фразу — шелковый полог паланкина опустился, наглухо отгородив

столичного гостя от внешнего мира.

Цзян Шуйшэн ошарашенно уставился на удаляющийся экипаж. Да, он был человеком простым и неотесанным, но за всю свою долгую жизнь, дослужившись до генеральского чина, впервые сталкивался с подобным высокомерием. Это было не просто вызывающе — это было оскорбительно.

«Неудивительно, что Чжоу Маань решил перестраховаться и избавиться от этого сумасшедшего конфискатора», — в ярости подумал воевода.

У Хан Сиэня не было ни малейшего желания нянчиться с Чжоу Маанем и его прихвостнями. Единственное, чего ему хотелось сейчас — это растянуться на мягкой постели и хорошенько выспаться, а уж потом строить дальнейшие планы.

Судя по всему, в Лючжоу ему придется задержаться надолго. Для человека, привыкшего к бешеному ритму прежней жизни, эта сонная, вязкая провинциальная рутина была истинной пыткой, отчего его настроение стремительно катилось к нулю.

А когда он бывал не в духе, его язык становился особенно ядовитым. Ему было плевать, наживет ли он себе врагов среди местной знати. Хан Сиэнь ничего не желал от этого мира. К собственной смерти он относился с полнейшим равнодушием: он не боялся сгинуть, у него не осталось ни единой живой души, к которой он был бы привязан, и ни единого дела, ради которого стоило бы цепляться за жизнь.

Среди их свиты лишь третий принц Цзи Ло, давно изучивший повадки юноши, ничуть не удивлялся его выходкам. А вот наследник Цзи Юэ поначалу пребывал в глубоком шоке. Впрочем, после того как Хан Сиэнь играючи лишил должностей четырех уездных судей подряд, юноша обрел истинно буддийское спокойствие.

С их точки зрения, пусть методы наследника Хана и граничили с безумием, результат всегда оказывался блестящим. Поскольку сами они грехов за душой не держали, бояться им было нечего. А видеть, как спесивые провинциальные чинуши краснеют от ярости и глотают ртом воздух, не в силах вставить ни слова, доставляло им изрядное, хотя и тщательно скрываемое удовольствие.

Прибыв в Лючжоу, Хан Сиэнь без лишних споров занял подготовленную для него резиденцию, чем изрядно разочаровал Чжоу Мааня.

По закону императорскому уполномоченному полагалось остановиться непосредственно в

резиденции губернатора. Однако Чжоу Маань под предлогом того, что у столичного гостя слишком внушительный обоз, арендовал для него отдельную просторную усадьбу. Губернатор рассчитывал, что заносчивый наследник, везущий с собой груды золота, сочтет это за оскорбление и устроит скандал.

Но Хан Сизнь не только безропотно заселился, но и сделал это с помпой, растрезвонив по всему городу, что жилье ему предоставил лично господин Чжоу.

Теперь, если в усадьбе случится хоть малейшее происшествие, этот мерзавец вцепится в губернатора мертвой хваткой и завалит тронный зал жалобами. От этих мыслей у Чжоу Мааня заломило виски. Сегодняшний день решительно не задался с самого утра.

Видеть фальшивую, сочащуюся ядом улыбку Хан Сизня у губернатора больше не было сил. Сославшись на неотложные государственные дела, он поспешно откланялся, уведя за собой всю свиту чиновников.

Хан Сизнь проявил редкое радушие и лично проводил гостей до ворот усадьбы. Картина была бы идеальной, если бы перед самым уходом он не обронил с мягкой улыбкой:

— Господин Чжоу, поместье, спору нет, чудесное. Одно смущает — больно уж оно просторное. Как говорится в народе: бойся не вора, а того, кто за тобой приглядывает. Здесь ведь хранится серебро из личной казны Его Величества. Не дай бог случится беда — отвечать перед императором придется вам, господин Чжоу. Лючжоу — ваша земля, да и место это выбрали вы сами.

От такой беспримерной наглости Чжоу Маань не выдержал и горько усмехнулся:

— Стало быть, наследник полагает, что любое происшествие под этой крышей ляжет тяжким бременем на мои плечи?

Хан Сизнь кивнул с предельно серьезным видом:

— Разумеется. — Затем его брови удивленно взлетели вверх: — Но судя по вашему тону, господин Чжоу, вы словно не горите желанием сберечь доверенное нам императорское серебро?

Поняв, что спорить с этим демагогом бесполезно, губернатор сухо отрезал:

— Я сделаю все, что в моих силах. Однако, насколько мне известно, безопасность уполномоченного обеспечивают не только личные стражи, но и гвардейцы из Императорской гвардии. Вряд ли у кого-то из простых смертных хватит духу покуситься на казну. Разве что у того... кто слишком хорошо знаком с методами работы господина уполномоченного.

Хан Сиэнь на мгновение задумался, а затем посмотрел на него с притворным испугом:

— Неужели господин Чжоу намекает, что среди моих людей завелся предатель? Но ведь императорская гвардия призвана защищать самого государя! Если даже они ненадежны, значит, безопасность Его Величества под угрозой? Откуда у вас подобные сведения, господин Чжоу? Вы уже доложили об этом в столицу?

Чжоу Маань почувствовал, как к горлу подступает удушливая ярость. Стиснув зубы, он прохрипел:

— Я не имел чести общаться с вашими подчиненными, чтобы строить догадки. Дела не ждут, позвольте откланяться.

Не дожидаясь ответа, он круто развернулся и зашагал прочь. Ему казалось, что если он проведет рядом с этим человеком еще хотя бы минуту, его хватит удар.

Вернувшись в Резиденцию генерал-губернатора, Чжоу Маань немедленно собрал всех верных ему чиновников Лючжоу. Оглядев притихший зал тяжелым взглядом, он мрачно спросил:

— Ну? Что скажете о нашем столичном госте?

Чиновники беспокойно переглянулись. Наконец со своего места поднялся один из советников и заговорил:

— Господин губернатор, слухам верить не стоит, но и отмахиваться от них глупо. Хан Сиэнь — любимчик императора, заносчив сверх меры, а решения принимает исключительно по капризу, это очевидно. Однако он далеко не так глуп и прямолинеен, как его малюют столичные сплетни. Наш гость весьма умен. Больше всего на свете он жаждет выслужиться перед престолом, а какими методами — ему безразлично. Признаться, мы его недооценили.

Присутствующие дружно закивали, соглашаясь с доводами.

Чжоу Маань все еще кипел от негодования, но здравый смысл взял верх над уязвленной гордостью. Сделав глубокий вдох, он спросил:

— И что нам теперь предпринять?

Советник тонко улыбнулся:

— Полагаю, вам, господин губернатор, марать руки пока не стоит. Найдется тот, кто с превеликим удовольствием разведает для нас намерения этого юнца.

Чжоу Маань вскинул брови. Он сразу понял, о ком речь. Хан Пин, третий дядя Хан Сиэня. Тот хоть и числился его подчиненным, но из-за сестры, занимавшей почетное место в императорском гареме, вел себя независимо, и губернатору приходилось с ним считаться.

Изначально Чжоу Маань не планировал впутывать Хан Пина в эту игру, но сейчас кандидатуры лучше было не сыскать. Родственники из одного клана — идеальная ширма.

— Что ж, — медленно произнес губернатор. — Пусть будет так.

Чиновники облегченно вздохнули.

Получив приглашение от Хан Пина, Хан Сиэнь охотно согласился на встречу. По крайней мере, внешне он проявил искреннюю радость, чтобы ни один дотошный столичный цензор не смог упрекнуть его в непочтительности к старшим.

Императорскому уполномоченному строго запрещалось вести кулуарные беседы с местными чиновниками, но приглашение от родного дяди стояло особняком. Немного подумав, Хан Сиэнь решил удовлетворить любопытство и узнать, какую ловушку приготовил для него родственник.

На встречу Хан Сиэнь взял с собой лишь Ань Цао. Цзи Ло и Цзи Юэ настаивали, чтобы он взял с собой внушительный конвой из императорских гвардейцев — мало ли на что решится загнанный в угол зверь. Однако инструктор Бай Шу заверил их, что будет лично прикрывать юношу из тени. Цзи Ло, прекрасно знавший, на что способен этот мастер, счел скрытую защиту даже более надежной. Самому Хан Сиэню было откровенно все равно, и он позволил им распоряжаться по своему усмотрению.

На вид Хан Пин казался человеком на редкость сухим, педантичным и занудным. Встречу он назначил в единственном уцелевшем и работающем трактире Лючжоу.

Едва завидев племянника, он поджал губы и заговорил лекторским, поучающим тоном:

— Ты носишь титул наследника Поместья герцога Хань! Как ты мог вести себя столь безрассудно и дико на глазах у всей провинции?

Хан Сиэнь лишь насмешливо вскинул бровь и фыркнул:

— И что с того? Сейчас они все зависят от меня и моих решений. Так что пусть терпят мои капризы молча.